В. М. ПАНЕЯХ

«Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги

Книги, как и люди, имеют свою судьбу, связанную с судьбами их авторов. Но наступает момент, когда книга как бы отделяется от автора и обретает собственную, нередко неожиданную и странную жизнь. Это в полной мере относится к исследованию Бориса Александровича Романова (1889—1957) «Люди и нравы древней Руси». Оно не писалось как книга, а вышло в свет в виде монографии. Автор работал над ним в необычных условиях, вдали от дома, архивов и библиотек. Издание стало возможным вопреки препятствиям, чинимым различными силами — и находящимися внутри академической науки и вненаучными. Уже в момент появления книги стало ясно, что она не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Ничего удивительного поэтому нет в том, что ее путь к читателю был тернист, а официальная наука тоталитарного режима встретила ее как посягательство на свои, казалось бы, незыблемые основы — ожесточенной травлей и поношением, правда почему-то не сразу, а спустя полтора года после издания. При этом странным образом рецензии на нее, написанные и отправленные в журналы, так и не были напечатаны.

Книга «Люди и нравы древней Руси», пожалуй, в наиболее концентрированном виде отразила своеобразие творческого облика и его неразрывность с характерологическими особенностями личности автора. Неповторимость профессиональной техники исследования, изящный литературный стиль, позволявший воссоздавать черты прошлого в зримых образах, парадоксальность, темперамент, интуиция, оригинальность мышления, новаторство, взгляды на прошлое своей страны и его связь с настоящим — все это проявилось исключительно рельефно в книге, сочетающей черты исследования и популярного показа тонкого и трудно уловимого процесса, который и составляет существо научного анализа и синтеза.

Эти особенности книги впервые были отмечены Д. С. Лихачевым в ряде его выступлений. Последний раз — в докладе «Книга Б. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“», прочитанном 16 ноября 1957 г. на совместном заседании Ленинградского отделения Института истории АН СССР и Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), посвященном памяти Б. А. Романова, скончавшегося 18 июля того же года.[1] Затем последовала статья Д. С. Лихачева «Борис Александрович Романов и его книга „Люди и нравы древней Руси“»,[2] в которой автор

[1] См. Ананьич Б. В., Панеях В. М. Заседание, посвященное памяти Б. А. Романова // ИЗ. 1958. Т. 62. С. 285—287.

[2] ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 15.

© В. М. Панеях, 1996

вышел за рамки характеристики только этой работы покойного ученого и подробно обрисовал его жизненный и творческий путь. В еще одной статье Д. С. Лихачев проанализировал методический прием, на котором держится вся конструкция книги Б. А. Романова: введение в качестве посредствующего звена между собой и читателем своеобразного «гида» — Даниила Заточника.[3]

Мемориальный доклад и статьи Д. С. Лихачева, посвященные памяти Б. А. Романова, не были случайными. В послевоенный период их связывали *общие научные интересы, деловые и личные отношения. Они совместно* перевели на современный русский язык (хотя каждый свою часть и основываясь на разных принципах) «Повесть временных лет» для издания в «Литературных памятниках». Б. А. Романов был одним из официальных оппонентов на докторском диспуте Д. С. Лихачева и опубликовал рецензию, высоко оценив его книгу «Русские летописи и их культурно-историческое значение».[4]

Сам Б. А. Романов считал небольшую книгу (14 а. л.) «Люди и нравы древней Руси» едва ли не лучшим своим творением и уж во всяком случае наиболее любимым и сокровенным,[5] как никакая другая отвечающим заветам, воспринятым от великих предшественников, у которых ему посчастливилось учиться в Петербургском университете. Через год после выхода ее в свет Б. А. Романов говорил, «что продолжает сближаться с нею» и все больше убеждается, «какая она моя».[6] Не случайно, что эта книга посвящена памяти учителя Б. А. Романова, ставшего впоследствии его близким другом, А. Е. Преснякова, и что именно она знаменовала возврат автора к истокам пути в науку — к истории Древней Руси, от которой он, в силу ряда причин, оторвался более чем на два десятилетия: исследовательские интересы Б. А. Романова сместились на много веков вперед, на историю России конца XIX—начала XX в.

Еще одна странность в судьбе книги: заслуженное, хотя и формальное, признание она впервые получила сразу же, но на короткий срок, затем — через десять лет, вскоре после кончины ее автора, но только теперь, спустя *полстолетия, ее значение начинает осознаваться в более широких аспектах*, хотя, как мне представляется, еще не в полном объеме.

О том, как возникла книга «Люди и нравы древней Руси», опубликованная в 1947 г. издательством ЛГУ,[7] Б. А. Романов сам написал в предисловии («От автора») к ней.[8] Он был приглашен в качестве автора главы для задуманного в 1939—1940 гг. в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ИИМК) коллективного труда по истории культуры Древней Руси. Посвященная быту русского общества домонгольского периода, она в процессе работы переросла допустимый для этого издания размер и превратилась в самостоятельную книгу — историко-бытовые очерки о людях и нравах Древней Руси. Не рассказал, однако, Б. А. Романов, да и не мог в то время этого сделать, в каких условиях он тогда жил. Б. А Ро-

---

[3] Лихачев Д С Б А Романов и его «гид» Даниил Заточник // Исследования по социально-политической истории России Сб статей памяти Бориса Александровича Романова Л, 1971

[4] Вест ЛГУ 1948, № 6

[5] Д С Лихачев сформулировал эту мысль более осторожно книгу «Люди и нравы древней Руси» «из всех своих работ» Б А Романов «наиболее ценил» (Лихачев Д С Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси» С 495)

[6] См Валк С Н Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России Сб статей памяти Бориса Александровича Романова Л 1971 С 31

[7] Романов Б А Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв) Л, 1947, 2-е изд М, Л 1966 Книга перепечатывалась со второго издания и третий раз – в составе сборника вместе с историческим романом, под общим заглавием «От Корсуни до Калки» (М 1990) Далее – ссылки по второму изданию

[8] *Романов Б А Люди и нравы древней Руси С 14*

манов лишь глухо написал о тяжелых месяцах, совпадавших с работой над текстом очерков.[9]

В действительности же, в начале финской («зимней») войны, в 1939 г., Б. А. Романов был выслан из Ленинграда на 101 км. Очевидно, это стало следствием «Академического дела» 1929—1931 гг., в результате которого он был приговорен «тройкой» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к 5 годам заключения в концлагерь.[10] Возвратившись в августе 1933 г. (досрочно «по зачету рабочих дней») в Ленинград, Б. А. Романов до 1941 г. жил здесь по одномесячным, двухмесячным, максимум трехмесячным прописками, не имея работы и перебиваясь случайными заработками. Одним из них и был договор на написание главы для коллективного труда. Обосновавшись в Окуловке Тверской губ., Б. А. Романов завершил там работу над ней и убедился, что глава переросла в книгу.

Возвращение в Ленинград стало возможным только благодаря настойчивым хлопотам сотрудников ИИМКа, которые ходатайствовали в соответствующих организациях, ссылаясь на важность государственного задания, выполняемого Б. А. Романовым. Но тут же снова возникли препятствия. Иезуитство властей проявилось в том, что милиция затребовала от жены Б. А. Романова согласия на прописку мужа на якобы ее площадь и опять всего на 2 месяца, хотя это была квартира еще отца Б. А. Романова.

Сам ученый, возвратившись в Ленинград, в январе 1941 г. в письме Н. Л. Рубинштейну так описывал ситуацию, в которой он оказался: «Что касается меня, то пока вновь в Ленинграде. Работал этот тревожный год очень много и не без интереса — для 1-го тома истории русской культуры. А из этой статьи-главы <...> вышла целая книжечка о том же. Ласкают надеждой, что напечатают и ее. В результате со всей этой работой кончено и в наследство осталось тягостное переутомление мозгов и нервной системы. Кочевой тарантас — неподходящая площадка для литературных упражнений и исследовательских инвенций. Тема была не тема, а вопль: дайте живых людей, чтоб камни заговорили. Теперь находят, что люди зажили и что камни говорят. Но, очевидно, это удалось мне ценой внутреннего перенапряжения, и к старту 1941-го года я пришел без сил для дальнейшего бега».[11]

В предисловии к книге Б. А. Романов отметил, что ее выходу в свет помешала война.[12] Но была и еще одна причина, о которой автор поведал в конце мая 1941 г. в другом письме к Н. Л. Рубинштейну: «Моя книга „Люди и нравы...“ натолкнулась на такой византийский отзыв Б. Д. (Грекова. — *В. П.*), который рискует похоронить ее. Впечатление такое, что он хочет оградить свою опришнину, „ать нихто не вступается в нее“. А отзыв такой: книга „оригинальна и интересна“, но есть выводы, с которыми я согласиться не могу (мало ли что!) и „формулировки“, которые требуют „замены“. А какой замены и какие формулировки — не пишет. Издательство и вернуло мою рукопись с просьбой — вступить лично в переговоры с Б. Д.! Но что бы осталось от „оригинальности“ книги, если бы выводы и формулировки обратились в „Грековские“ <...> Таковы тернистые пути современной нам историографии! Вы думаете, что Б. Д. делает вывод, что книгу не надо печатать? Ничуть. Наоборот: ее „следует напечатать“. Вот

---

[9] Там же

[10] См Академическое дело 1929—1931 гг Документы и материалы следственного дела сфабрикованного ОГПУ Вып 1 Дело по обвинению академика С Ф Платонова СПб 1993

[11] Б А Романов – Н Л Рубинштейну, 10 января 1941 г // РГБ Отдел рукописей ф 521 картон 26, ед хр 39, л 15

[12] Романов Б А Люди и нравы древней Руси С 14

уж легкость движений, которой могла бы позавидовать любая Лепешинская—Уланова!».[13] Конечно, без одобрения акад. Б. Д. Грекова, ставшего фактически главой советской исторической науки и издавшего к этому времени книгу «Киевская Русь», которая официально была признана классическим марксистским трудом, нечего было и думать о публикации работы, во многом концепционно расходящейся с его воззрениями. Так издание «Людей и нравов...» было отложено на неопределенный срок.

Эвакуированный из блокадного Ленинграда в ноябре 1941 г. и добравшийся в Ташкент лишь к середине января 1942 г., Б. А. Романов тяжело переживал то обстоятельство, что не смог привезти рукописи своих неопубликованных работ, в том числе этой книги, судьба которых долго оставалась непроясненной. 3 июня 1942 г. он отправил в Ленинград А. И. Андрееву письмо, полное горечи: «...в нашем положении наши работы — наши дети, и есть между нами и ими неистребимая, физиологическая связь, разрыв которой сопровождается настоящей болью <...> По мере того, как у меня нарастает чувство одиночества, я испытываю почти физическую тоску, сосущую тоску по своим работам — и что они не со мной».[14]

После возвращения в 1944 г. в Ленинград первоочередной задачей Б. А. Романова стала подготовка к печати трех написанных еще до войны работ: комментариев к Русской Правде и «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» — для Издательства Академии наук, а книги о «Людях и нравах...» — для университетского издательства, которое по рекомендации ректора ЛГУ А. А. Вознесенского согласилось ее печатать.

Комментарии к Русской Правде, как они были задуманы Б. Д. Грековым, носили несколько специфический характер. Необходимо было собрать и расположить в хронологическом порядке мнения исследователей о каждой статье этого древнейшего памятника русского права. Работа требовала не только досконального знания исторической и историко-правовой литературы, но и тончайшего понимания самого кодекса, его внутренней структуры, социальных, политических и бытовых реалий, отражаемых в нем, знания письменной среды его бытования и т. д. Этим критериям Б. А. Романов как комментатор отвечал в полной мере. Но его творческая натура не могла ограничиться теми редакционными требованиями, которые исключали бы возможность излагать собственные мнения. Поэтому по настоянию Б. А. Романова комментаторам было в исключительных случаях разрешено это делать, имея в виду не попавшие еще в печать работы.

Б. А. Романов сполна воспользовался представившейся возможностью и включил в историографические комментарии свои собственные толкования, изложенные им ранее как в учебном пособии по Русской Правде, так и в еще не изданных историко-бытовых очерках «Люди и нравы древней Руси». В результате он сумел создать ряд цельных критико-историографических очерков о различных статьях Краткой и Пространной редакций Русской Правды и их комплексах. При этом ученый выбрал для себя не только наибольшее, по сравнению с другими участниками издания, число статей для комментирования, но и наиболее важные, составляющие циклы и отражающие характер общественных отношений: устав о закупках, устав о холопах, устав о населении княжеского домена, устав об обидах и увечьях.

Книга «Люди и нравы древней Руси» вплотную примыкает к комментариям к Русской Правде и по времени написания, и по времени выхода в свет, и, отчасти, поскольку речь в них идет о Руси домонгольского периода,

---

[13] Б. А. Романов — Н. Л. Рубинштейну. 31 мая 1941 гг. // РГБ, Отдел рукописей, ф 521, картон 26, ед хр. 39, л. 7.

[14] АРАН (С.-Петерб. филиал), ф 934, оп. 5, ед. хр. 296.

по проблематике. Перед изданием Б. А. Романов из специального исследования преобразовал ее в научно-популярную книгу, в рассказ «о тех „злобах дня“, какими заполнялись будни и думы русских людей, не испытавших еще хмары монгольского ига».[15] Научное построение, сложившееся в результате частных исследований автора, облекается им в такую форму, чтобы читатель мог «почувствовать и понять далекую, хоть и родную ему эпоху через знакомство с ее людьми».[16] Вот эта двоякая задача — воздействовать и на чувства читателей, и на сферу их логического, рационального восприятия — новая для Б. А. Романова и вообще новаторская в контексте отечественной историографии. Двоякая она и по отношению к объекту изучения и изображения — человеку Древней Руси, которого Б. А. Романов задумал показать не только в его бытовых, в том числе интимных, но и общественных связях и в постоянной динамике. Или, как сам автор написал, его задача состояла в том, чтобы «собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI—XIII вв., с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классообразования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей».[17] Иными словами: «...как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться)».[18]

Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что Б. А. Романов, используя хорошо известные источники, ставит им «такие вопросы, которые им еще не предлагались»,[19] а потому сумел получить на эти вопросы такие ответы, которые оказались неожиданными для читателя — и непрофессионала, и историка или филолога. В этом смысле выделяется рисуемый Б. А. Романовым портрет князя Владимира Мономаха, основанный на по-новому прочитанном его «Поучении» и резко отличающийся от того, что писали о знаменитом князе другие историки. По справедливому замечанию Д. С. Лихачева, фигура Мономаха у Б. А. Романова не вознесена над эпохой, «а плотно к ней пригнана, объяснена ею и введена в историческую перспективу».[20]

Следует отметить и необычный, ранее никогда не применяемый прием, подробно описанный Б. А. Романовым в авторском предисловии, — реконструкцию им культурно-исторического типа эпохи на основе образа Даниила Заточника, который предстает в книге, по удачному определению Д. С. Лихачева, в качестве своеобразного «гида», сковывающего в единую цепь все «круги жизни» Древней Руси.[21]

Это предисловие вообще имеет принципиальное методическое и методологическое значение, которое дало представление читателю о труде историка вообще, Б. А. Романова — в частности, его, так сказать, творческой мастерской. Оно было написано в последний момент и, по словам самого Б. А. Романова, имело «теоретическо-автобиографический» характер, «нечто вроде авто-историографической исповеди (credo)».[22]

---

[15] Романов Б А Люди и нравы древней Руси С 15

[16] Там же С 15—16

[17] Там же С 8

[18] Там же С 9

[19] Лихачев Д С Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси» С 489

[20] Там же С 493

[21] Лихачев Д С Б А Романов и его «гид» Даниил Заточник С 39—43

[22] Б А Романов — И В Егорову 10 апреля 1947 г // РНБ. Рукописный отдел, ф 273 ед хр 315 л 3

Б. А. Романова с самого начала его научного творчества интересовал человек как субъект истории и объект изучения. Этим объясняется его стремление давать социально-психологические портреты персонажей истории, выяснять движущие силы их поступков и побуждений. Как это ни покажется странным, Б. А. Романов получал в данной связи упреки с обоих флангов: если С. А. Жебелев говорил в связи с изданием первой его книги «Россия в Маньжурии» (Л., 1928), что паровозы и вагоны — не история, то другие ее критики были недовольны преувеличением роли личностей.[23] Но так или иначе, а книга «Люди и нравы древней Руси» проявила именно ту тенденцию в творчестве Б. А. Романова, которая позволила объективный процесс поступательного движения общества показать через судьбы индивидуальных личностей, воссозданных равным образом в результате анализа источников и силой художественного воображения и исторического чутья. Д. С. Лихачев в этой связи отметил особенность творческого лица самого Б. А. Романова — сочетание в нем ученого с художником, научного анализа с художественным воображением (но не с фантазией исторического беллетриста).[24]

Эти особенности позволили Б. А. Романову ярко и зримо показать различные социальные типы древнерусского общества — челядь, смердов, светских феодалов, отцов духовных, выявить коллективную психологию этих общностей, описать жизнь человека от рождения до смерти, холостого и в лоне семьи, его бракосочетание и развод, единобрачие, многоженство, параллельную семью, обряды и обычаи, соблюдение и несоблюдение церковных обрядов, вопросы пола, имущественные отношения в семье, наконец, семью как основную ячейку древнерусского общества.

За всем тем книга «Люди и нравы древней Руси» выходит за рамки изображения людей и их быта. Реконструкция образа человека раннего средневековья служит и средством уяснения механизма и динамики социально-экономических процессов. В книге дается характеристика в оригинальной и отличной от принятой до того интерпретации как совокупности общественных отношений киевского периода истории Руси и политического устройства государства, так и основных категорий древнерусского социума. Не отвергая феодальную природу общественного строя Киевской Руси, Б. А. Романов вместе с тем показал существенную роль в ее социальной структуре и в процессе генезиса феодализма холопства-рабства, выявил в то же время близость в положении феодально-зависимых людей и рабов, детально исследовал проблему перехода от свободы к несвободному состоянию в ходе нарастающего процесса сложения феодальных отношений, по-новому определил социальный статус смердов как «свободных» людей, определенным образом связанных с государством в лице князя.[25] Таким образом, по сравнению с господствовавшими в конце 30-х и в 40-х гг. воззрениями, формировавшимися главным образом под влиянием работ Б. Д. Грекова, древнерусское общество в «Людях и нравах древней Руси» предстает как более архаическое, находившееся на начальном этапе вызревания феодальных отношений и складывания классов, характерных для феодализма.

---

[23] См.: Панеях В. М. Борис Александрович Романов (1889—1957): Трудная судьба ученого // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 179.

[24] Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». С. 489.

[25] Подробно о воззрениях Б. А. Романова на социально-экономический строй Древней Руси см.: Панеях В. М. Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова // История СССР. 1989. № 1.

Именно эти особенности концепции Б. А. Романова вызвали отрицательную реакцию Б. Д. Грекова, который и после войны, как и до нее, пытался помешать изданию книги. В. В. Мавродин в беседе со мной рассказывал, что Б. Д. Греков, узнав о намечаемой ее публикации, специально приезжал из Москвы в Ленинград и уговаривал его воспрепятствовать этому. Более того, Б. Д. Греков в беседе с В. В. Мавродиным заявил, что книга Б. Романова — не исследование, а художественное произведение, подобное «Декамерону».[26] Но все же она пошла в печать, так как Ленинградский университет по ряду причин оказался на некоторое время вне орбиты влияния Б. Д. Грекова. Более того, ее автора досрочно, еще до издания книги, Ученый совет университета наградил второй премией (10 000 р.), присуждаемой «за лучшие научно-исследовательские работы».[27] Только через 7 месяцев было опубликовано сообщение, что «выходит в свет <...> монография Б. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“, дающая представление о процессе классообразования русского феодального общества в XI—XIII веках».[28]

Б. А. Романов был горд этим своим успехом. Он писал своему товарищу еще студенческих университетских лет: «Во-первых, я первый доставил эту победу историческому факультету (который раньше премий не видел). Во-вторых, факультет поймал премию на парадоксально малого „червячка“: а) книга моя почти брошюра <...>; б) книга на неактуальную и захолустную тему; в) на тему из такой эпохи, по которой в советской историографии написана уйма работ. Значит, победу я могу приписывать только себе, то есть качествам исполнения, работавшим, так сказать, против ветра и против течения и одолевшим обе эти стихии. Чего же мне больше?!».[29]

Ничто, казалось бы, не предвещало неприятностей. Но с весны 1948 г. ситуация начала изменяться. Была развязана кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и антипатриотизмом (а несколько позднее — и с космополитизмом), объектом которой в Ленинградском университете стали профессора старшего и среднего поколений филологического и исторического факультетов.

В передовой статье, опубликованной университетской многотиражкой 7 апреля 1948 г., о работе С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»[30] говорилось, что она «преисполнена духом низкопоклонства перед старой буржуазной наукой в лице ее реакционных представителей».[31] 20 апреля на заседании Ученого совета исторического факультета состоялось погромное обсуждение этой работы С. Н. Валка. Показательно, что на то же заседание было назначено обсуждение и книги Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси». По-видимому, предполагалось подвергнуть автора подобной же экзекуции.

Но задуманному воспрепятствовал Д. С. Лихачев (работавший на историческом факультете в качестве профессора-совместителя), который выступил первым и тем самым задал тон всему ходу обсуждения. Передавая «те разговоры, которые ведутся об этой книге», Д. С. Лихачев упомянул о трех упреках, которые делаются автору: отсутствие «показа людей, оборонявших нашу Родину»; мрачность нарисованной Б. А. Романовым картины быта и

---

[26] Благодарю за эту информацию И Я Фроянова

[27] В Ученом совете // Ленинградский университет 1947 3 марта

[28] Ошин Ю Научные издания университета // Ленинградский университет 1947 12 окт

[29] Б А Романов — И В Егорову 1947 г // РНБ, Рукописный отдел, ф 273, ед хр 126 л 61

[30] Тр Юбилейной научной сессии (Ленинградского гос университета) Секция ист наук Л , 1948 С 3—79

[31] Ленинградский университет 1948 7 апр

нравов; неопределенность, незаостренность формы самой книги, колеблющейся «между художественной и научной».

Основное внимание Д. С. Лихачев уделил наиболее опасным для автора книги пока еще анонимным обвинениям. Он обратил внимание присутствующих на то, что показ в книге тех людей Древней Руси, «которые обороняли русскую землю», выходит за рамки ее темы, поскольку автор поставил перед собой задачу изобразить людей Древней Руси в процессе классообразования, «в мирной обстановке», и «это художественно <...> исключает возможность показывать людей и нравы Руси в военной обстановке». Д. С. Лихачев сопоставил книгу Б. А. Романова с произведением «совершенно иного жанра» — комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума», в которой русское общество также показано «не в военной обстановке», а русская армия олицетворяется «аракчеевским хрипуном» Скалозубом, хотя он и был героем Отечественной войны 1812 г.

В «аспекте <...> социальной структуры» «человеческое общество прошлого» с неизбежностью предстает «в известной мере <...> мрачным», будет ли это Древняя Русь, «грибоедовская Москва или городок Окуров, русская провинция „Мертвых душ“ или социальная действительность Ассиро-Вавилонии, или Китай в первое тысячелетие до нашей эры — это закономерность. Не будь этой известной мрачности нашей жизни, не надо было бы двигаться вперед в социальном отношении». Конечно, говорил далее Д. С. Лихачев, «жизнь древней Руси представилась» в книге Б. А. Романова «далеко не так, как она изображалась во многих работах, в том числе и моих, что было с моей стороны некоторой ошибкой». «Культура Киевской Руси открылась для нас не с фасадной стороны», с которой «мы привыкли рассматривать эту культуру <...>, подняв голову, глядя на фасад, фрески и мозаики», и которой «мы вправе гордиться», а «с другой, внутренней», и то, «что показал нам Борис Александрович, оказалось очень сложным: сложны людские взаимоотношения, сложна пестрота социального состава, сложен процесс классообразования». Поэтому «обрисовка тяжелых сторон [жизни] древней Руси очень правильна <...> Эпоха ведь была жестокая, нравы были не только домостроевскими, но додомостроевскими». Не следует смешивать два различных вопроса — «вопрос о высоте культуры» и то, «всем ли легко было жить при этой высоте культуры». Вместе с тем именно «сложность социальной жизни в древней Руси», «сложность социальных взаимоотношений <...>, сложность и продвинутость процесса классообразования и сложность умственной жизни», «которые Борис Александрович великолепно показал», «позволяет поставить вопрос о высоте культуры древней Руси как о стадиальной высоте», исторической высоте, а не высоте самой по себе, поскольку «развитие культуры не идет имманентно», «культура народа не может быть отрываема от социального строя, от <...> общественной организации, от исторического развития народа».

Защищая книгу Б. А. Романова от всевозможных обвинений в антипатриотизме, Д. С. Лихачев задал «прямой вопрос», на который сразу же ответил: «...патриотична ли такая обрисовка жизни древней Руси? Патриотично ли в древней Руси подчеркивать <...> тяжелые стороны жизни? Не лучше ли об этом было помолчать? Я самым решительным образом возражаю против этого. Это было бы идеализацией прошлого, и советский патриотизм несовместим с этим. Советский патриотизм требует критического отношения к прошлому и он историчен, потому что только критическое отношение к прошлому и позволяет двигаться вперед. Это верно и в отношении русской историографии. Это верно и в отношении освещения вопросов культуры древней Руси. Если мы будем <...> видеть только светлые стороны в древней Руси, то не проще ли нам было бы возвратиться к

старому, а этим грешат очень многие работы по культуре древней Руси <...> Надо сказать, что в книге Бориса Александровича есть своеобразный патриотизм <...> Дело в том, что читатель книги <...> воспринимает прошлое Руси как свое прошлое. Отношение к древней Руси у читателя (и у Бориса Александровича) лирическое, это — грусть о родном человеке, и в этом отношении у Бориса Александровича есть патриотизм, но патриотизм молчаливый».

В заключение Д. С. Лихачев коснулся вопроса о жанре книги, колеблющемся между научным и научно-популярным, о непроясненности формы — то ли «художественно-литературной», то ли «литературно-научной». Именно это обстоятельство, по мнению Д. С. Лихачева, помешало Б. А. Романову «в пределах избранного им жанра» сказать то, о чем договаривает в своем выступлении сам Д. С. Лихачев.[32]

В речи доцента кафедры истории СССР Д. И. Петрикеева выход в свет книги «Люди и нравы древней Руси» оценивался как значительное событие для историков: «Она является несомненно полезной, и как бы мы ни критиковали взгляды Бориса Александровича по отдельным вопросам <...>, отмечая многие ее недостатки, в целом эта книга <...> представляет огромный интерес» и «заслуживает несомненно положительной оценки». С другой стороны, Д. И. Петрикеев не согласился с характеристикой исторического периода как времени, когда происходил процесс классообразования: «При таком определении не остается различий между дофеодальным периодом и периодом раннего феодализма в истории древней Руси», тогда как «после замечаний Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР прочно установлено», что процесс «образования классов, т. е. процесс возникновения феодализма, относится нами к дофеодальному периоду». По мнению Д. И. Петрикеева, в книге имеет место и «известное преувеличение значения холопства»; не согласился он также с признанием Б. А. Романовым одного только способа — экономического — закабаления смердов.[33]

Профессор В. Н. Бернадский, являвшийся издательским редактором обсуждаемой книги, отметил прежде всего привлекательные стороны книги — «суровый, справедливый и глубокий социальный анализ отношений, существовавших в древней Руси». По его мнению, «нет в советской литературе <...> ни одного исторического исследования, в котором бы с такой убедительностью были показаны во всей жизненной правде и сложности процессы похолопления и кабаления людей в XI—XIII вв. <...>, с такой тонкостью и тщательностью подвергнут анализу вопрос о смердах и прослежена борьба внутри господствовавших классов вокруг смердов». При этом В. Н. Бернадский не исключал, что «Б. Д. Греков <...> не со всеми <...> соображениями» автора книги «будет согласен». Выступавшего привлекло также «мастерство анализа источников, ювелирная работа», не сравнимая по глубине «с той нередко топорной работой с источниками, которую обнаруживают у нас некоторые историки, подходящие к источнику как примитивные потребители».

Вместе с тем В. Н. Бернадский предъявил ряд претензий автору книги. Он считал, что в ней нашли отражение лишь отдельные стороны древнерусской жизни. В частности, в книге отсутствует не только «характеристика боевых подвигов людей», но и их «напряженной трудовой деятельности <...>, которой сопровождалось освоение ими территории Восточной Евро-

---

[32] Протокол заседания Ученого совета исторического факультета Ленинградского гос университета (20 апреля 1948 г) // Архив ФИРИ РАН, ф 294, оп 1, д 44, л 48—54

[33] Там же, л 57 63

пы». В книге, по мнению В. Н. Бернадского, «несколько больше, чем требует тема, выдвинуты проблемы пола», «вопросы семейной жизни в ее альковных тайнах». В. Н. Бернадскому казалось, что «следовало занавес алькова опустить». Наконец, выступающий указал на то, что суровому содержанию книги «несколько не соответствует слишком изысканный стиль автора», который порой «затрудняет понимание». Та «малая вертящаяся сцена, на которой Борис Александрович хочет показать читателю подводные камни, подстерегавшие человека <...> эпохи, слишком быстро вертится, она развлекает своим блеском читателя, и не всегда у него находится достаточной апперцепности мысли, чтобы подойти к глубокому содержанию этой интересной книги».[34]

Отвечая своим критикам, Б. А. Романов прежде всего обратил внимание присутствующих «на свое историографическое положение»: «...я, когда писал эту книгу, ясно сознавал, чувствовал, переживал это своими нервами, что я, как-никак, являюсь учеником <...> А. Е. Преснякова», без которого «я <...> этой книги не написал бы». «Если я проявил некоторую остроту критического отношения к источникам, — говорил далее Б. А. Романов, — то это сделано под воздействием тени Александра Евгеньевича». В то же время, если бы «он был жив и прочитал бы эту книгу, он бы, вероятно <...> сказал<...>: „Ну и фантазер же Вы, Борис Александрович“».

Б. А. Романов особо подчеркнул, что его «пытливо интересовали те крупные и мелкие недостатки, а тем более ошибки, которые могли бы закрасться в <...> работу», потому что ему «интересно знать, нет ли каких-нибудь течей, мелких щелей, которые сейчас еще не текут, но которые дадут течь в том утлом челноке», в котором едет автор и «который может опрокинуться от любой волны». Более того, Б. А. Романов заявил, что не считает «суждения, высказанные оппонентами, решающими судьбу книги», поскольку «еще возможны крупные недоумения и недоразумения, а может быть даже удары». Это предположение оказалось провидческим.

Сделав ряд разъясняющих замысел книги расширительных, по сравнению с авторским предисловием, замечаний, Б. А. Романов ответил на отдельные упреки. В частности, он обратился с вопросом к участникам заседания: «Производит ли <...> книжка такое впечатление, что перед вами выступают толпы бездельников?». Не согласился Б. А. Романов и с утверждением, что в XI—XIII вв. прекратился процесс классообразования: «...я никогда в истории не видел, чтобы что-нибудь в историческом процессе кончалось так аккуратно, в обрез <...> Во всяком случае, известная инерция от процесса классообразования должна была оставить какую-то рябь и дальше. Или же в этом смысле на поверхности русской жизни остался полный штиль? — Конечно, нет».

Коснувшись упрека в том, что в книге «больше чем надо <...> выдвинута проблема пола», Б. А. Романов решительно отвел его, имея, безусловно, в виду и отсутствовавшего на обсуждении Б. Д. Грекова. Он объяснил, почему уделил столь большое внимание проблемам интимной жизни людей Древней Руси: «Я никогда не мечтал о славе Боккаччо. Но здесь есть две виновницы. Одна — православная церковь, а другая — Великая Октябрьская социалистическая революция, ибо в лице своего читателя я неизбежно должен предполагать человека, который, собственно, в православной церкви ничего не понимает, потому что он ее не знает, не видел, не соприкасался с нею. Я укажу на такой поразительный пример: наши основоположные труды по древнерусской части, та же „Киевская Русь“ Б. Д. Грекова, — она идет совершенно мимо церкви, выпадает такое звено! <...> Это такое опус-

[34] Там же, л. 64—68.

тошение реального исторического представления об историческом процессе того времени, которое не может меня не поражать <...> Мне нужно было показать, в чем была сила этой христианской церкви, в чем ее сущность, какими приводными ремнями захватывала церковь жизнь. Если устранить вопросы пола, то церковь у меня будет болтать ногами и махать руками, и ей не за что будет ухватиться. Это будет зрелище, которое ни к чему решительно не приведет <...>Я решил задуматься над тем, какими экскаваторами вытаскивала церковь питательные соки для себя из русского народа, какими приводными ремнями она вращала жизнь».[35]

Несомненно, обсуждение книги Б. А. Романова пошло не по задуманному организаторами пути. О том свидетельствуют гневные инвективы в опубликованной многотиражкой статье преподавателя кафедры истории партии Н. Зегжды, адресованные главным образом не самому автору книги, а Д. С. Лихачеву, который был обвинен в том, что не оправдал ожидания многочисленной аудитории «научных работников, аспирантов, студентов, собравшихся в этот день на заседание Совета истфака» и якобы ждавших «от проф. Д. С. Лихачева строгого и объективного разбора книги, которая, несмотря на свои несомненные достоинства, страдает всеми <...> недостатками, поданными проф. Лихачевым как объективистский перечень неизвестно чьих и откуда взявшихся суждений». Автора статьи возмутило выступление не только Д. С. Лихачева, но и Д. И. Петрикеева, который, будучи заместителем секретаря партбюро истфака, полемизировал с Б. А. Романовым только «по отдельным частным проблемам его книги <...>, не дал партийной оценки квазиобъективистскому выступлению проф. Д. С. Лихачева».

В статье ничего не сообщается о содержании выступления самого Б. А. Романова, а только выражено сожаление, что он «обошел стороной вопрос о недостатках своей работы», и это было «вполне естественно», поскольку «ему не с кем и не о чем было спорить». Зато в заключительном пассаже статьи говорится о том, о чем Б. А. Романов не сказал. А «не сказал он главного: ставил ли он в своей книге задачу показа не только одного из периодов эпохи становления феодальных отношений на Руси, но и задачу такого показа истории нашей Родины, который должен рождать чувство национальной гордости за великий русский народ».[36]

Эта статья в газете «Ленинградский университет» свидетельствовала, что книга Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси» попала в зону внимания тех сил, которые начали вести борьбу с так называемым антипатриотизмом и его носителями.

Приближение этой угрозы Б. А. Романов ощутил еще до обсуждения книги на Ученом совете истфака и до статьи в многотиражке. 19 мая 1948 г., через неделю после ее публикации, он писал А. И. Андрееву: «Я более полугода уже живу под потенциальными ударами молота (судьба-индейка)».[37] А в ноябре 1948 г., как рассказывал мне сам Б. А. Романов, ему стало известно, что ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б) Удальцов решительно осудил книгу, спросив заведующего Ленинградским отделением Института истории АН СССР (ЛОИИ) С. И. Аввакумова: «Что это у вас там за Романов, который написал порнографическую книгу?». Не слова ли Б. Д. Грекова, произносимые, по-видимому, не только в беседе с

---

[35] Там же, л. 74—84.

[36] Зегжда Н. Покончить с объективизмом в исторической науке (с заседания Ученого совета) // Ленинградский университет. 1948. 12 мая.

[37] Б. А. Романов — А. И. Андрееву // АРАН (С.-Петерб. филиал), ф. 934, оп. 5, ед. хр. 296.

В. В. Мавродиным, получили такую странную трансформацию в устах крупного партийного функционера?

Сразу вслед за тем было назначено новое обсуждение книги, теперь уже в ЛОИИ. Сам Б. А. Романов питал еще слабые надежды на благоприятный исход, но и осознавал, что возможен погром. Он писал 30 ноября 1948 г. в Москву Е. Н. Кушевой, с которой вел систематическую переписку: «К сожалению, в нашей профессии нет таких обсуждений, которые могут быть интересны автору, как работнику любящему и болеющему о своем деле. Хотя и могут быть исключения. Возможно, что такое исключение будет иметь место здесь <...>; поручено доложить о моей книжке Ивану Ивановичу.[38] Я очень соболезную ему, но с интересом жду, что он скажет по существу и как он выйдет из положения. Мы с ним никогда не касались книжки при свидетелях, а он — человек умный, и его замечания должны быть метки, а это всегда интересно <...> Будут ли еще выступления — неизвестно <...> Так как наши ЛОИИсты поголовно все читали книжечку, то, может быть, кое-кто и выйдет из заговора молчания <...> Я усердно коллекционирую читателей на эту книжечку. Мною в ней действительно руководило „чувство нового", и это серьезный эксперимент не только над собой, а и над читателем. Это вовсе не шалость пера. Из этого эксперимента я уже извлек для себя великую пользу. Но я видел примеры эффективности его и на ряде читателей, то есть и с этой стороны он оказался полезен. Но для иных может быть и вреден. Я с величайшим интересом 1) повидал бы читателей, поврежденных им, и 2) выслушал бы точный комментарий врачей к заболеванию этих читателей. Но это требует обстановки поближе к асептически операционной, а не к охотнорядской потасовке».[39]

Явная тревога по поводу ожидаемого обсуждения его книги была связана у Б. А. Романова с резким обострением обстановки в стране, в науке, в Институте истории, в ЛОИИ в частности. В печати получила дальнейшее развитие кампания по дискредитации старшего поколения историков. Объектом разносной критики стала не только статья однокурсника Б. А. Романова по учебе в Петербургском университете и коллеги по работе в ЛОИИ и ЛГУ С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», но и его книга «Советская археография» (М.; Л., 1948). Б. А. Романов писал в этой связи в одном из частных писем: «...думаю, что историческое чутье мне не изменяет, когда я угадываю во всем происходящем такой новый этап, который подразумевает наш досрочный конец. Хоть и мало нас осталось, но мы явно мешаем и нам приписывается смертный приговор. Будут отдельные людские попытки смягчить эту операцию, но суть дела от этого не изменится. Вот уже не сумели вовремя помереть! <...> На некоторое время <...> я предпочту быть осторожным в суждениях о „Людях и нравах". Я верю в прогресс, но в чем тут прогресс в веках, надо еще разобраться».[40]

Обсуждение «Людей и нравов...» между тем приближалось и состоялось 21 апреля 1949 г. в отсутствие (по болезни) самого Б. А. Романова. Вопреки его ожиданиям, основной удар по книге был нанесен именно И. И. Смирновым. Последний вел критику с позиций, зафиксированных в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова о «закрепощении смердов» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он справедливо отметил, что схема про-

---

[38] Иван Иванович Смирнов (1909—1965) – доктор исторических наук, профессор, коллега Б А Романова по ЛОИИ

[39] Б А Романов — Е Н Кушевой 30 ноября 1948 г // Архив ФИРИ РАН, ф 298, оп 1, д 173

[40] Б А Романов — Е Н Кушевой 11 ноября 1949 г // Там же

цесса классообразования Б. А. Романова «в корне меняет наше представление о путях и методах развития крепостнической зависимости крестьянства, о природе законодательства Киевской Руси, о политике государственной власти и о роли церкви киевской эпохи».

Казалось бы, новаторская концепция автора должна была стать объектом квалифицированного разбора и профессиональной полемики. Однако именно отход от официально освященной концепции, разработанной Б. Д. Грековым и признанной марксистской, стал причиной резких выпадов против книги и ее автора. В докладе И. И. Смирнова содержались обвинения в «мизантропическом», мрачном характере книги, в чрезмерном внимании к сексуальным, интимным моментам, в том, что «картина, которую рисует Б. А. Романов, никак не отражает <...> высокого уровня культуры Киевской Руси и не показывает прогрессивного характера исторических деятелей эпохи Киевского государства», которые в изображении Б. А. Романова рисуются «чертами и красками, которые никак не способствуют утверждению значения Киевской Руси как важнейшей эпохи в истории нашей Родины, а скорее могут вызвать обратный эффект». Отсюда И. И. Смирнов делал вывод, согласно которому Б. А. Романов «объективно оказался на ложных позициях», стоящих «в прямом противоречии» с задачами воспитания «чувства национальной гордости нашей великой Родиной, чувства советского патриотизма». Именно потому, заключал свой доклад И. И. Смирнов, «книга Б. А. Романова является книгой, не могущей нас удовлетворить ни в какой мере».[41] Как видим, труд Б. А. Романова получил резко отрицательную оценку, опирающуюся не на научные, а сугубо идеологические критерии.

Извращенное представление о природе патриотизма и его связи с наукой о прошлом привело к тому, что и в университете во время очередной аттестации Б. А. Романов был обвинен в «национальном нигилизме, извращающем подлинную историю древней Руси».[42] Наконец, и Л. В. Черепнин выдвинул против ученого обвинения идеологического характера: «Б. А. Романов <...> возвращается к методам психологической и типизирующей интерпретации источников», развитым «буржуазным историком и источниковедом А. С. Лаппо-Данилевским», и этой интерпретацией «подменяется» «классовый анализ источника».[43]

Лишь после кончины Б. А. Романова начиная с 1958 г., благодаря выступлениям и статьям прежде всего Д. С. Лихачева, С. Н. Валка и В. Н. Бернадского, начался процесс «реабилитации» книги «Люди и нравы древней Руси», в результате чего и стало возможным ее второе издание, подготовленное к печати учениками Б. А. Романова (1966), а затем и третье (1990).

Так, Д. С. Лихачев счел необходимым в 1958 г. снова отвести брошенные Б. А. Романову обвинения в антипатриотизме, основанные на том, что в его книге обрисованы тяжелые стороны жизни Древней Руси: эти люди «примитивно понимали патриотизм историка, как один лишь долг восхвалять прошлое своей родины». Б. А. Романов, писал Д. С. Лихачев, «пошел

---

[41] Архив ФИРИ РАН ф 298, оп 1, д 284 Впоследствии, через шесть лет после кончины автора книги И И Смирнов, отметив, что он «коренным образом расходится с Б А Романовым в понимании процесса социально-экономического развития древней Руси», отказался от крайне негативных оценок его книги в целом, указал на «сильное воздействие», оказанное на него исследованиями Б А Романова о Русской Правде и Древней Руси, признал, что его труды «представляют собой новое слово в изучении» этой проблематики, и подчеркнул что, «полемизируя с Б А Романовым» он «вместе с тем учился у него искусству исторического исследования» (Смирнов И И Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков М , Л 1963 С 4)

[42] Личное дело Б А Романова // Архив СПбГУ, ф 1, оп 46 связка 17

[43] Черепнин Л В А С Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ 1949 № 8 С 51

по правильному пути, показав нам высоту домонгольской культуры в самой сложности социальных отношений того времени, в сложности процесса классообразования, свидетельствующего об определенной стадиальной высоте русской культуры, показав нам многообразие умственной жизни того времени, не затушевывая вместе с тем трудностей и горечи древнерусской жизни, не модернизируя ее и не принимая тона барственной к ней снисходительности <...> Читатель воспринимает прошлое Руси как свое прошлое, и в этом, надо прямо сказать, поразительный художественный эффект книги, а вместе с тем ее подлинный патриотизм».[44]

Впрочем, сам Б. А. Романов никогда и нигде — ни в книгах и статьях, ни в личной переписке, ни, наконец, в беседах с учениками — не затрагивал тему патриотизма вообще, своего собственного в частности, не отвечал на дикие обвинения в антипатриотизме. Ему был отвратителен агрессивный патриотизм, замешанный на шовинизме, он никогда не замыкался, по его словам, в рамках национального пошехонья,[45] не страдал синдромом национальной озабоченности. Б. А. Романов прекрасно осознавал происхождение, природу и возможные последствия развязанной истерии, особенно в полиэтнической стране. Он был ее гражданином, много и напряженно думавшим о прошлом, настоящем и непредсказуемом тогда будущем России, ученым, внесшим громадный вклад в дело изучения ее прошлого, которое он никогда не склонен был идеализировать, человеком, сполна вкусившим, как и персонаж его книги, «полынной горечи» невзгод в своей собственной стране, но продолжавшим работать во славу исторической науки (и ее петербургской школы) и тем самым — своего отечества.

В письме 1955 г. Н. Л. Рубинштейну Б. А. Романов, имея в виду книгу «Люди и нравы древней Руси», согласился с тем, что не смотрит «на жизнь (в прошлом) сквозь розовые очки», и тут же отметил: «...откуда, как не из прошлого, идет то, что вгоняет тебя в мрак при <...> гримасах жизни» современной.[46] Эта трезво осознаваемая Б. А. Романовым связь между столь отдаленными друг от друга временами в их негативных аспектах делала его самого и его книгу уязвимыми для нападок в условиях нараставшей волны истерического и агрессивного имперского патриотизма, кульминация которого пришлась на последние годы жизни Сталина — 1948—1953 гг.

Прошло полвека со дня выхода в свет первого издания книги «Люди и нравы древней Руси» и еще больше лет со времени ее написания. Безнадежно устарели многие работы, изданные в 30—50-х гг. нашего века, преданы забвению концепции, создававшиеся в условиях меняющейся конъюнктуры в качестве комментариев к цитатам из «основоположников». Но книга, писавшаяся сразу же после издания «Краткого курса истории ВКП(б)» и появившаяся в разгар идеологических проработок, не разделила их участи, а и сейчас воспринимается как новаторская и созвучная современным направлениям исторической науки.

В историографических трудах она характеризуется теперь как «пионерское исследование», «первый шаг полидисциплинарного исследования и одновременно первая попытка историко-культурного синтеза в смысле „тотальной истории“».[47] Более того, констатируется, что в мировой науке

---

[44] Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». С. 490—491.

[45] См · Панеях В М. Борис Александрович Романов: Письма друзьям и коллегам // Отечественная история. 1993. № 3. С 135.

[46] Б. А Романов — Н Л. Рубинштейну 19 января 1955 г // Архив ФИРИ РАН, ф 298, д. 191

[47] Ястребицкая А Л Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей Человек в истории Культурно-антропологическая история сегодня 1991 М , 1991 С 94

долго еще не появлялись исследования, подобные книге Б. А. Романова. Лишь через 35 лет во Франции вышла в свет работа Э. Леруа Ладюри,[48] посвященная провансальской средневековой деревне и сходная по методике и по оригинальности постановки проблем с книгой Б. А. Романова.[49] Но это лишь частный пример. В целом же теперь, когда в западной, особенно французской, исторической науке интенсивно развивается мощное направление, определяемое как история ментальности, книга Б. А. Романова приобретает особое значение и новое звучание. Ментальность стала усиленно изучаться в историческом аспекте тогда, когда социальная история, оперирующая количественными показателями, обнаружила свои естественные пределы, и поэтому возникла необходимость искать другие способы и методы объяснения, чтобы понять феномен коллективного поведения. В результате экономическая и социальная история оказались в известной мере потесненными новым направлением. Проявилась даже тенденция рассматривать историю ментальности в отрыве от экономических и социальных проблем. Между тем, как теперь стало ясно, еще до всех этих сдвигов в западноевропейской историографии и связанных с ними спорами Б. А. Романов в книге «Люди и нравы древней Руси» дал развернутую характеристику ментальности различных слоев древнерусского общества и всего социума в целом, но не автономно, а в органической связи с социальной историей, с выявлением механизма действия социально-экономических процессов. Таким образом значение книги Б. А. Романова как одного из пионерских исследований по истории ментальности, а в отечественной науке — вообще первой работы в этой области начинает постепенно осознаваться.[50]

---

[48] Le Roy Ladurie E Montaillou, village occitan, de 1294 a 1324 Paris, 1982

[49] Ястребицкая А Л Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике С 95

[50] В то же время концепция социального развития Древней Руси, в скрытом виде содержащаяся в ней, с опозданием войдя в нормальный историографический контекст, оказалась на периферии нашей науки, хотя многие частные выводы исследователя, прежде всего связанные с анализом норм Русской Правды, стали ее признанным достоянием В новой историографической ситуации, возникшей у нас в конце 50-х гг, когда выяснилось, что выстроенная Б Д Грековым история складывания феодализма в России не во всем оказалась достаточно аргументированной, и, в частности, был поставлен под сомнение ее основополагающий тезис о раннем возникновении крупной феодальной вотчины, логично было бы обратиться к книге Б А Романова (а также работам С В Юшкова, С В Бахрушина, В А Пархоменко, М Д Приселкова, К В Базилевича, А Н Насонова, А А Зимина) и попытаться продолжить разработку концепции более позднего генезиса русского феодализма Однако этого не произошло Сыграло, по-видимому, свою роль стремление сохранить вывод Б Д Грекова о раннем вызревании русского феодализма Так, в работах Б А Рыбакова генезис русского феодализма удревняется без достаточных, на мой взгляд, оснований еще в большей степени, чем у Б Д. Грекова Л В Черепнин выдвинул и обосновал концепцию государственной феодальной собственности и государственного феодализма в условиях Древней Руси, получившую интенсивную поддержку и широкое распространение (см труды А Д Горского, С М Каштанова, В И Корецкого, В Д Назарова, М Б Свердлова), хотя вызвавшую также и критику (см труды И И Смирнова, Г. Е Кочина, А И Копанева, Ю Г Алексеева, Н Е Носова, А Л Шапиро, И Я Фроянова, Д И Раскина) В рамках этой концепции ранний генезис феодализма не связывался с возникновением крупной феодальной вотчины В таких условиях книга Б А Романова, не отрицавшего ее наличия, но разработавшего концепцию позднего складывания феодальных отношений, в этом ее качестве пока востребована не в полном объеме Но, может быть, это произошло из-за того, что она так же опережала свое время, как и изучение Б А Романовым ментальности людей Древней Руси?